

ГРИГОРИЙ ГРИНБАУМ

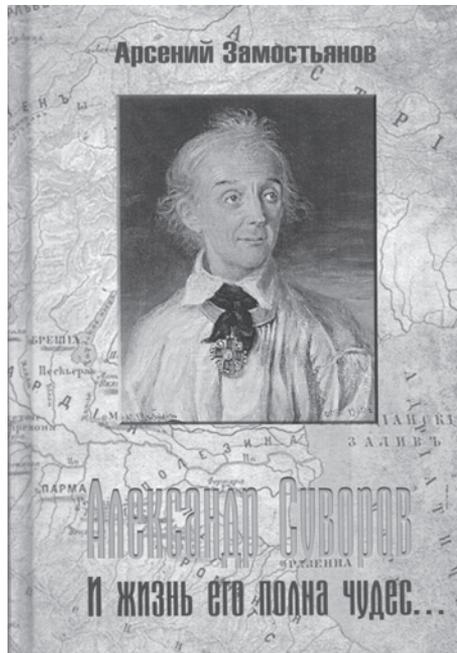
Три измерения России

В обзоре новых книг к этому номеру три совершенно разных текста. Тем не менее невозможно не заметить и того, что их объединяет: во-первых, все три книги — о России, во-вторых, их содержание задает как бы три ее измерения — Россия прошлого, Россия настоящего и, конечно, Россия будущего — такой, какой ее хотят видеть те, кто в ней родился, связал с ней свою жизнь и судьбу. Об этом и поговорим.

Первая из трех книг посвящена одной из вершин истории России прошлого — ее драматичному, но и блестящему XVIII веку, временам Александра Васильевича Суворова (1729—1800), о котором Дж. Г. Байрон (отнюдь не благоволивший к русскому полководцу) возвышенно писал в своем «Дон Жуане»: «Признаться вам — Суворова я сам / Без колебаний чудом называю». Автор книги — Арсений Александрович Замостьянов, историк литературы, страстный почитатель суворовского гения, создатель целой серии книг о великом генералиссимусе — таких, например, как «Великий Суворов и суворовский образ в отечественной культуре» (2000), «Суворов был необъяснимым чудом» (2006), «Бог войны Александр Суворов» (2008).

Лейтмотив содержания книги Замостьянова в полной мере выражается

А. А. Замостьянов. Александр Суворов. И жизнь его полна чудес...
М., ИД «Дмитрий и Евдокия»,
2012. 192 с.: илл.

России», «молитвенный генерал» (см. С. 38, 60) называет его автор и приводит в своей книге факты, заставляющие

словами из подзабытого ныне стихотворения А. С. Пушкина «Дедушка Суворов»: «Чудотворец воевода / Не рассчитывал похода, — / Брал победу в небесах. / Правды муж творил без шуму, / В Богу думал крепку думу — / И прославлен в чудесах». Замечу, что последняя строчка — очевидный парафраз державинских слов «и жизнь его полна чудес»¹, ставших частью заглавия рецензируемой книги.

В центре внимания А. А. Замостьянова — Суворов-христианин, Суворов-молитвенник. «Солдат и богомолец», «герой православной

¹ Ср.: «Всегда непобедим остался, / и жизнь его полна чудес» (см. Г. Р. Державин. «Суворову-Рымникскому в Роченсальм из Царского Села»).

взглянуть на образ великого полководца с новой, довольно неожиданной для большинства современных читателей точки зрения. И это при том, что Суворов явно не обойден вниманием ни дореволюционной (до 1917 года), ни советской, ни постсоветской литературы — как научной, так и популярной. Традиция восприятия суворовского образа в русской культуре чрезвычайно многогранна. Чтобы понять это, достаточно обратиться хотя бы к некоторым из многих трудов, посвященных генералиссимусу. Показательно, что наиболее значимые из них, как правило, выходили в рубежные для русской истории моменты. Так, накануне войны 1812 года, когда в строю оставалось еще немало суворовских богатырей, помнивших Итальянский и Швейцарский походы, а кое-кто — и русско-турецкие войны Екатерины II, в Москве была издана книга, написанная суворовским адъютантом периода Итальянского и Швейцарского походов, а впоследствии — видным военным историком Егором Борисовичем Фуксом (1762—1829)².

В 1835-м, вскоре после польского бунта 1830—1831 годов, появилась брошюра участника событий, впоследствии — видного историка Павла Александровича Муханова, посвященная истории взятия этого варшавского предместья суворовской армией в 1794 году³.

XIX век — время продолжения жестокого противостояния Российской и Османской империй — был ознаменован тремя русско-турецкими войнами: 1828—1829 годов, Крымской (1853—1856) и наконец 1877—1878 годов. В Европе же основным противником на протяжении почти всего позапрошлого столетия неизменно оставалась Франция, с которой после войны 1812 года и Заграничных походов (1813—1814) Россия воевала еще и в Крымскую войну. Основные события всех перечисленных войн проходили на тех же театрах военных действий, где некогда успешно действовал «дедушка Суворов». Отсюда также в немалой степени проистекал интерес как к опыту военных

кампаний великого полководца, так и к его выдающейся личности.

В тот период с работами о Суворове выступили писатель, историк и публицист Николай Алексеевич Полевой (1796—1846), видный военный историк, в будущем — генерал-лейтенант Модест Иванович Богданович, полковник генштаба Петр Матвеевич Сакович (1819—1861), идеолог военной реформы 1860—1870-х годов Дмитрий Алексеевич Милютин, полковник генштаба А. Н. Петров и др.⁴

Особо следует выделить, пожалуй, наиболее фундаментальное исследование истории Суворова, осуществленное видным русским военным историком, генерал-лейтенантом Александром Фомичом Петрушевским (1826—1904)⁵. Предисловие ко второму изданию этой книги, вышедшему в 1900 году, написал герой Русско-турецкой войны 1877—1878 годов генерал М. И. Драгомиров. Не случайно о нем как об одном из своих важнейших источников неоднократно упоминает и А. А. Замостьянов.

Разумеется, последний знаком со всеми перечисленными работами (или по меньшей мере — с большинством из них). Однако его собственная книга предлагает иной взгляд на личность предводителя «чудо-богатырей»: ведь, по справедливому авторскому замечанию, «о Суворове можно рассказывать по-разному» (С. 7). Впрочем, это не означает, что за ракурсом, предлагаемым Замостьяновым, не стоит никакой традиции. Просто традиция эта иная: в ее рамках предшественниками Замостьянова являются скорее А. И. Красницкий, П. Усов⁶ и другие дореволюцион-

² См. **Е. Б. Фукс**. История генералиссимуса, князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского. М., 1811.

³ См. **П. А. Муханов**. Штурм Праги. СПб., 1835.

⁴ См.: **Н. А. Полевой**. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843; **М. И. Богданович**. Походы Суворова в Италию и Швейцарию. СПб., 1846; **П. М. Сакович**. Действия Суворова в Турции в 1773 году. СПб., 1853; **Д. А. Милютин**. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857; **А. Н. Петров**. Вторая русско-турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787—1791 г. СПб., 1880.

⁵ См. **А. Ф. Петрушевский**. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884.

⁶ См., например: **А. И. Красницкий**. Русский чудо-вождь: граф Суворов-Рымникский, князь Итальянский, его жизнь и подвиги. СПб., 1900; **П. Усов**. История Суворова. СПб., 1900.

ные авторы, которые, как и А. А. Замостьянов, видят в Суворове не просто *Воина* с большой буквы, но *Православного* воина.

Впрочем, и в современном сувороведении «православный» взгляд на личность и дела генералиссимуса представлен достаточно широко. Более того, в 2005 году Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет начал даже сбор материалов для канонизации полководца⁷.

Вне зависимости от того, чем завершится кампания по канонизации полководца, следует признать, что для подобной постановки вопроса существуют определенные основания. На них и обращает внимание А. А. Замостьянов. По его мнению, несмотря на обилие литературы, подлинный Суворов все еще остается до конца не понятым. Восполнить эту лакуну автор стремится, среди прочего, и в своей новой книге, написанной скорее в жанре эссе, чем собственно истории. Это не столько история Суворова, сколько размышления о великом полководце, его месте в русской истории, особенностях его личности, о полководческом почерке, литературном и военно-теоретическом наследии.

Особое внимание следует обратить на широко представленную в книге суворовскую иконографию. По всей видимости, хорошо знакомый с фундаментальной работой А. В. Помарнацкого⁸, Замостьянов сумел подобрать достаточно репрезентативный круг изображений генералиссимуса — от прижизненных рисунков и портретов (включая карикатуры) до картин художников XIX—XX веков и даже кадров из советского художественного кинофильма «Суворов», снятого режиссером В. И. Пудовкиным накануне Великой Отечественной войны (1940) (премьера

состоялась 23 января 1941 года). Представленные в книге репродукции не только выполняют иллюстративную функцию, но и являются значимым историческим источником, данные которого порой оказываются не менее значимыми, чем содержание авторского текста.

«Русский Марс, русский Архистратиг Михаил» предстает в книге как прямой ученик Петра Великого и продолжатель его дела (см. С. 26—37). При этом автор книги выступает решительно против взгляда на великого императора как «гонителя православия, чуть ли не антихриста» (С. 29). Он ссылается на мнение замечательного православного писателя Е. Н. Погожина (Е. Поселянина), писавшего, что хотя в царе-реформаторе «не было духа древнего великорусского благочестия», но «человек он был глубоко верующий»: «служение России, ежедневный настойчивый труд для нее представлялись Петру высокой религиозной обязанностью» (С. 29—30). Подчеркивается, что с петровских времен «армия становилась едва ли не самой набожной частью общества... Для многих рекрутов именно петровская армия становилась местом серьезного воцерковления» (С. 33—34). Неслучайно «до последних дней Суворов почитал Петра Великого как отца Отечества» (С. 37).

Одна из основных задач А. А. Замостьянова как сувороведа — дать решительный отпор тем, кто стремится очернить образ великого полководца, представить его лишь палачом пугачевского восстания или польского мятежа 1794 года. Вот лишь один из многих примеров, приводимых в книге. В период пребывания армии Суворова в Варшаве к ногам полководца бросилась польская девушка, которую обрек на насильственное сожительство некий казачий офицер: «Старый Суворов поднял ее, выслушав рассказ о позорном поступке, пришел в сильный гнев и сам заплакал». Тут же полководец позвал военного губернатора Варшавы генерала Буксгевдена («управлением которого жители Варшавы не очень были довольны») и «пригрозил ему, что если случится по вине его хотя малейший беспорядок, то он отправит его в Петербург и доложит государыне» (С. 147). О дальнейшей судьбе несчастной девушки, казачьего офице-

⁷ См., например: **Свящ. А. Гумеров**. Можно ли говорить о святости А. Суворова за его военные победы, и возможна ли его канонизация? [2005 год]. — www.pravoslavie.ru/sm/6579.htm; «Участники конференции выступили за канонизацию А. В. Суворова». — «Вестник военного и морского духовенства. Интернет-журнал». 30.11.2010 (www.kapellan.ru/uchastniki-konferencii-vystupili-za-kanonizaciju-a-v-suvorova.html); «Протоиерей Дмитрий Смирнов: “Я восхищаюсь Суворовым”». — «Победа.RU» (www.pobeda.ru/content/view/10681/314/) и др.

⁸ См. **А. В. Помарнацкий**. Портреты А. В. Суворова. Л., 1963.

ра и Буксгевдена не сообщается, но и без того ясно, сколь справедливое наказание ожидало виновных.

Достается даже великому Дж. Байрону, который вывел Суворова в своей поэме «Дон Жуан» (см. С. 150—154). Но причем здесь русский полководец? Очень даже причем: чтобы понять это, достаточно хотя бы в самом общем виде вспомнить фабулу знаменитого романа в стихах (что позволяет лучше разобраться в сути аргументов Замостьянова). Итак, будучи уроженцем Испании, главный герой (и современник автора), дон Жуан, вынужден покинуть родную Севилью и отправиться в путешествие. По пути в Италию в результате кораблекрушения он оказывается в Греции, затем — в Турции, прямо в султанском дворце. Однако переменчивая фортуна снова заставляет героя бежать. Так он оказывается у крепости Измаил, который штурмует русская армия, и становится не только свидетелем событий. Он сражается на стороне русских, получает орден за проявленную отвагу, спасает из рук озверевших казаков пятилетнюю турецкую девочку, а в дальнейшем — даже отправляется в Петербург с депешей о взятии крепости⁹.

В описании битвы на Дунае в полной мере проявляется антивоенный настрой великого поэта, бывшего страстным противником войн, затеянных, по его мнению, исключительно ради эфемерной славы, в результате чего в жерло чудовищной бойни оказываются брошены тысячи человеческих жизней: «О, кровь и гром! О, раны, гул и вой! / О, злая брань! О, раны, кровь и стоны! / Все эти звуки оскорбляют твой / Тончайший слух, читатель благосклонный; / Пойми изнанку славы боевой — / Хоть украшают именем Беллоны / И Марса эту бойню, но цена / И суть ее во все века одна»¹⁰.

Тем не менее в своем заочном споре с Байроном Замостьянов неумолим: «“мясником” Байрон окрестил Суворова, поддавшись журнальной конъюнктуре “клеветников России”... Каждый русский человек, знакомый с документальным

наследием Суворова, может возразить Байрону...» (С. 153—154). И сам автор в полной мере пользуется такой возможностью, ссылаясь на известного специалиста-сувороведа В. С. Лопатина¹¹ и на иные данные. В частности, показательна приводимая на странице 146 английская карикатура, отражающая стереотип, которому поддался и великий английский поэт. Кажется, художник должен был испытывать очевидную симпатию к русскому военачальнику страны—союзницы Англии генералу «Swarrow», который изображен ведущим в плен всю французскую Директорию. Однако держащий конец веревки, связывающей директоров, косолапый мужик в цилиндре, на котором изображены череп и кости, с огромной саблей, на португее которой мы видим орнамент, в котором чередуются те же черепа с перекрещенными костями, едва ли был способен вызывать у зрителя хоть каплю сочувствия. Очевидно, что таким образом мог выглядеть лишь потенциальный враг, оказавшийся союзником только по случайному совпадению. Во всяком случае, иного прочтения здесь, кажется, быть не может.

Впрочем, чего еще следует ожидать от русофобов — и не только английских? «Личность Александра Васильевича Суворова всегда пребывала в центре борьбы идеологий — борьбы беспощадной, жестокой», — подчеркивает А. А. Замостьянов (С. 155) и решительно включается в эту борьбу, с поистине суворовской решительностью атакуя своих идеологических противников. В результате еще больше, чем Байрону, достается некоему неназванному поэту, стихи которого были опубликованы в «Независимой газете». Этот остающийся неизвестным (в силу присущей А. А. Замостьянову деликатности) рифмоплет посмел уподобить полководца... Нестору Махно: «Резал в Турции, вешал в Польше, / Пугачева на казнь повез», а его армию представить как жадный, голодный сброд: «Войско грабило, что татары, / Хоть порядок был — барабан, / Сзади — рать, впереди — штандарты / И фельдмаршалов шарабан» (С. 156). И уж, конечно, досталось от неназванного гения и «им-

⁹ См. Дж. Г. Байрон. Дон Жуан. VII.9 — VIII.141. — Он же. Собрание сочинений. В 4 т. Пер. Т. Г. Гнедич. Т. 1. М., 1981.

¹⁰ Там же. VIII.1.

¹¹ См. В. С. Лопатин. Потемкин и Суворов. М., 1992.

перским амбициям» России: «И не ведали непоседы / На швейцарском ветру-снегу, / Что придется за тем победы / Отдавать и сжигать Москву» (С. 157).

В ответ на это А. А. Замостьянов не только указывает на противоречия подобных оценок данным самого разного происхождения, но и весомо подытоживает: «Суворовские традиции в Отечественной войне 1812 года и кампаниях 1813—1814 гг. проявились в уничтожении Великой Армии,

освобождении России и Европы. Месяцы отступления и трагедию Москвы можно объяснить чем угодно, но только не влиянием Суворова — этого князя побед, солдатского любимца, первой шпаги Российской империи» (Там же).

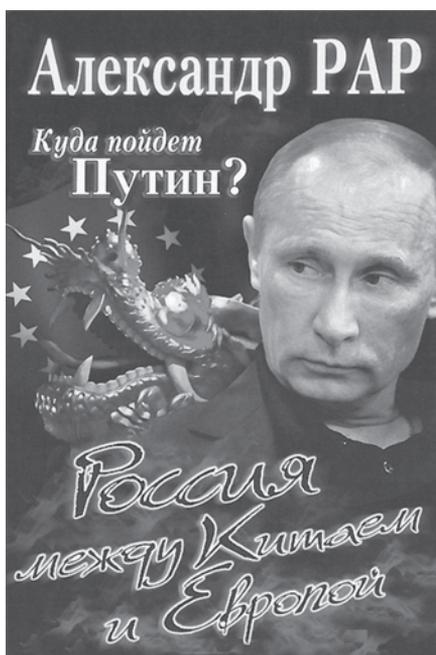
В год 200-летнего юбилея первой Отечественной войны, с которым вполне органично совпало время выхода книги А. А. Замостьянова, пожалуй, лучше и не скажешь.

От грома победных фанфар прошлого обратимся к нашему непростому сегодня — к русскому переводу новой книги Александра Рара. Имя этого видного немецкого политолога, члена Германского Совета по внешней политике (DGAP) не нуждается в представлении российскому читателю. Потомок белоэмигрантов (из-за чего редактор книги фамильярно называет его в аннотации «Александром Глебовичем»), г-н Рар хорошо знает русский язык и культуру и немало проработал в России. Впрочем, даже это — не повод для панибратства, ибо при ближайшем рассмотрении никаким

«Александром Глебовичем» в тексте (подчеркну: именно в тексте; лично с А. Раром я не знаком) и не пахнет. Перед нами жесткий и трезвый подход человека, хорошо знающего, но не особенно любящего нашу страну. И уж точно не ощущающего себя русским по происхождению, что — конечно не диагноз (ведь кто и когда сказал, что русским быть непременно хорошо?), но все же значимый факт, отмахнуться от которого невозможно.

«Учить Россию демократии — безнадежная затея. Эта страна слишком горда, чтобы сидеть за партией», — значит уже

А. Рар. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М., «Олма медиа групп», 2012. 352 с.

в самом начале книги (С. 3). И чем дальше ты продвигаешься по раровскому тексту, тем больше понимаешь, что упомянутая в начале книги «гордость» нашей страны в устах г-на Рара звучит, как в эпитет, в лучшем случае подразумевающий библейскую «гордыню», а в худшем — тупое ослиное упорство, свойство национального характера, делающее Россию невосприимчивой к позитивным импульсам, исходящим от Запада: «благоволящие России немцы хотели бы обучить русских тому же виду демократии, который им привили союзники после 1945 года. Но возникла

проблема: гордые русские не принимают нравочений» (С. 63).

Для того чтобы поставить точки над *i*, позволю себе пространную цитату: «После тяжелых 90-х в массовом сознании снова возродилось стремление к восстановлению потерянной империи. При этом каждый реально мыслящий русский должен бы отдавать себе отчет в том, что, кроме победы во Второй мировой войне и полета Юрия Гагарина в космос, Россия вряд ли может записать в актив достижений страны в XX столетии что-либо еще. Почему Россия не просит прощения за

45-летнюю оккупацию Восточной Европы и не признает, что потерпела поражение в холодной войне точно так же, как нацистская Германия во Второй мировой? Не звучит из уст российских лидеров и признание вины в насильственном внедрении коммунистического режима в государствах Варшавского договора, так как это может повлечь за собой требование компенсации и, в конце концов, привести к отождествлению национал-социализма с коммунизмом, что, в свою очередь, умаляет значение победы России во Второй мировой войне. Между тем, Ленин и Октябрьская революция забыты, и Россия уже считает себя жертвой досадного коммунистического эксперимента в истории человечества. С другой стороны — и это не может не беспокоить — Россия не покончила со сталинизмом» (С. 51) и т. п.

Итак, от «Александра Глебовича» окончательно не осталось камня на камне, а вместо него возник именно тот, кто есть на самом деле — Herr Alexander Rahr, среднестатистический немец со всеми его немецкими комплексами. Ему, представителю страны, «подарившей» миру в XX веке две мировые войны, национал-социализм и Холокост, а также еще не получившее собственного наименования массовое истребление не-евреев (цыган, славян, советских военнопленных и прочих унтерменшей), конечно, крайне обидно за то, что его родную цивилизованную Германию так «нагнули» ее нынешние союзники, тогда как «потерпевшая поражение в холодной войне» Россия дерзко сохраняет «жестоковость».

В ответ на эти слова так и тянет сказать много «ласкового»; но решение этой задачи выходит явно за пределы формата небольшой рецензии, а потому коснусь лишь главного — самой постановки вопроса, принадлежащей отнюдь не г-ну Рару. Следует оговорить раз и навсегда: для утверждения о поражении России в «холодной войне» нет никаких оснований — ни юридических, ни фактических. Ибо невозможно доказать прямую связь между политикой Запада, проводившейся в ходе этой «войны», с одной стороны, и ее геополитическим результатом, то есть распадом ОВД и СССР, с другой. Торжество НАТО и союзников было обеспечено

не столько правильностью ее курса (и уж тем более не жертвами, принесенными на несуществующий «алтарь победы»), сколько трагическими ошибками самого руководства СССР во главе с Горбачевым, которые в массе своей вовсе не были мотивированы извне.

Геополитический успех свалился в руки Запада буквально с неба: в противном случае он добился бы гораздо большего как в юридическом, так и в фактическом плане. А именно: продиктовал бы «побежденному» условия точно так же, как это было сделано в отношении Германии и ее союзников сначала в 1918, а затем в 1945 годах. Более того, торжествующий Запад не только не оккупировал (полностью или частично) территорию «побежденной» страны — как это было сделано применительно к той же Германии и в 1918-м, и в 1945-м, — но и не проявлял готовности сделать это в 1991-м, ибо даже тогда сильно ослабленный и дезорганизованный Советский Союз был все еще способен нанести невосполнимый урон недавнему противнику. Сегодня мы хорошо понимаем, что СССР и его союзники, в совокупности производившие чуть более десятой части мирового ВВП, настолько долго и упорно сопротивлялись своему западному визави, что, когда для этого представилась возможность, тот счел за лучшее довольствоваться тем, что само упало ему в руки, и, не искушая переменчивую судьбу, заявить об окончании конфликта.

«Новая Россия», самый большой осколок ушедшего в прошлое СССР, сохранила не только ракетно-ядерную мощь сверхдержавы и значительную территорию, но и контроль над колоссальными природными ресурсами, имеющими глобальное, общемировое значение. Если бы Запад действительно победил в «холодной войне», то не оставил бы ей ни первого, ни второго, ни третьего — поскольку лишь при выполнении всех трех условий его победа была бы действительно гарантирована. Очевидно, однако, что на принятие таких условий никогда не пошло бы ни горбачевское, ни ельцинское, ни какое иное — пусть даже самое прозападное — российское руководство; а о том, чтобы добиться этого силой, речи не было вообще. Потому все претензии г-на Рара (а

также его многочисленных единомышленников), пытающегося рассуждать о постсоветской России как о некоем аналоге побежденной гитлеровской Германии, выглядят просто смехотворно.

Однако, когда немецкий политолог переходит от общих рассуждений к конкретике, от его морализаторства не остается и следа. Россия с ее неисчерпаемыми ресурсами оказывается совсем не такой ужасной, как это может показаться по прочтении первых страниц книги: «В бедной сырьем Германии осознают значение России как сырьевого гиганта. В принципе, в будущем Германия может удержать свое индустриальное положение только путем стратегического партнерства с такими поставщиками сырья, как Россия» (С. 199). В общем, что и требовалось доказать: от возжеленных европейских внешнеполитических «ценностей» не остается и следа. Более того, г-н Рар идет даже дальше: он готов признать что и Запад не без греха, что и там имеет место политика «двойных стандартов» (см. С. 48–49). Увлечшись рассуждениями в духе им же изначально порицаемой *Realpolitik* («желание Запада принудить таких экспортеров сырья, как Россия, к “хорошему государственному управлению” и “экологической добыче сырья” понятно, но едва ли реализуемо» — С. 123), автор чем дальше, тем больше находит привлекательные черты в облике России.

Сначала он показывает, что, с учетом европейских (в особенности — немецких) проблем с источниками сырья, впечатляющие перспективы открываются в развитии торговых связей с Россией и Казахстаном, которые ни в коем случае не должны быть отданы на откуп агрессивному Китаю, который (кстати, и без того обладающий третью запасов редкоземельных металлов) спит и видит как прибрать к рукам колоссальные ресурсы обеих стран (см. С. 108–189). Затем Рар переходит к характеристике экономической политики России, и тут оказывается, что «Россия лучше, чем ее репутация», что «Россия способна на большее», а коррупция и прочие российские «прелести» — еще не повод для того, чтобы отказываться от перспективного российского рынка (см. С. 189–215). Наконец, при ближайшем рассмотрении совсем неплохой ока-

зывается и внутривнутриполитическая ситуация (см. С. 82–107, 216–242 и др.). В конце концов спектр мнений по поводу будущего страны в самой России столь велик, что опасаться торжества твердолобых националистов не стоит: они — лишь малая часть этого спектра (см. С. 243–268). В общем, сочувствия «прогрессивного Запада» российской оппозиции ждать не следует: «основанная на ценностях» внешняя политика Евросоюза буксует именно там, где начинаются проблемы европейской экономики (см. С. 121 и далее).

Таким образом, если российский читатель осилит первую сотню страниц и продерется через откровенную русофобию, дальше читать будет довольно интересно. Там, где можно оперировать цифрами, немецкий политолог рассуждает не только красноречиво, но и доказательно. В частности, это касается возможных сценариев политики России на постсоветском пространстве, каковых г-н Рар насчитывает пять. Первый (с вероятностью 35 процентов) — все останется как есть, и влияние нашей страны постепенно ослабевает; второй (вероятность — 25 процентов) — Россия активно вытесняется из своей бывшей сферы влияния — Украина, Белоруссия, Молдавия, Армения, Грузия и Азербайджан попадают под влияние Запада, а Средняя Азия частично оказывается в сфере доминирования Китая, а частично — исламских государств Среднего Востока. Третий вариант (вероятность — 25 процентов) предполагает возможность частичной реинтеграции постсоветского пространства, в результате которой в рамках «славянского» или «евразийского» союзов Россия воссоединится с Украиной и Белоруссией или же с Казахстаном. Четвертый сценарий (на сегодняшний день — весьма мало реальный, 10 процентов) предполагает присоединение России вместе с западными республиками бывшего СССР к НАТО и Евросоюзу. Наконец пятый, экстремальный, сценарий предполагает развал страны на 20 мини-государств (вероятность — 5 процентов), однако этот вариант кажется Рару наименее правдоподобным (см. С. 269–271).

Позволю себе опустить детали и не пересказывать выводы автора. В данном случае для меня интереснее сама тональность

рассуждений г-на Рара: показательно, с какой искренней серьезностью информированный западный политолог рассматривает возможность того, чего боится как страшного сна — возрождения единой государственности на постсоветском пространстве или на значительной его части. Тем с большим облегчением в конце своего рассуждения он констатирует: «больше не империя» (см. С. 271 и далее). И в этом вздохе ощущается такая немецкая по происхождению зависть к стране, все еще грезящей о государственном величии.

То же самое чувство ощущается и в оценках перспектив миграционной политики. «Российское общество все еще закрыто, менталитет людей до сих пор пропитан не переработанным окончательным советским прошлым. Русские требуют для себя *сильного национального государства* (курсив мой. — П. И.), не замечая, что собственное население катастрофически сокращается», в частности пишет Рар (С. 317) и призывает к «контролируемой миграции китайцев, корейцев и рабочих из мусульманских стран. Они в любом случае будут искать возможности попасть в Россию. Потепление климата на Земле превратит экваториальную зону в необитаемую, демографы ожидают массовой миграции африканцев и азиатов на север» (С. 318) и т. п.

Наконец, все та же немецкая зависть ощущается в последней части книги, посвященной перспективам России, где автор скрывается от обязывающих выводов за рамками жанра антиутопии и рассуждает о возможных сценариях будущего страны «в контексте последующих, в высшей степени преувеличенных событий» (С. 320). Вот как, например, представляются г-н Рару выдержки из «Апрельских тезисов», отражающих принципы будто бы выдвинутой в 2017 году политической программы наиболее радикально настроенного из демократических кандидатов на высшую власть в стране: «Социализм, державший страну почти 75 лет в рабстве, должен быть так же запрещен, как и немецкий национал-социализм после окончания Второй мировой войны. До сих пор живущие среди нас убийцы и палачи сталинского режима должны быть выявлены и преданы суду. Служба госбезопасности, организация—преемница печально известного КГБ, должна быть распущена...

Россия должна возместить ущерб всем жертвам сталинских репрессий в своей стране и за рубежом. Только тогда совесть России будет чиста. Она должна интегрироваться в будущую Европу по примеру послевоенной Германии... Россия должна дать положительный пример полного разоружения. Место России — в НАТО и ЕС, но она должна заслужить вступление в эти организации. В территориальных вопросах России надлежит проявить великодушные, только тогда она может ожидать снисхождения от своих партнеров. Надо вернуть Курильские острова Японии. Российскую часть Северного полюса можно спокойно продать США, как когда-то Аляску, по соответствующей цене. Порт Владивостока — отдать в аренду Китаю. Россия должна покончить со своими имперскими амбициями на постсоветском пространстве...» (С. 325—326) и т. п.

Из дальнейшего повествования явствует, что вскоре водоворот событий смел «известного олигарха из сибирского исправительно-трудового лагеря», и его программе не суждено было сбыться. Все содержание рецензируемой книги, однако, оставляет ощущение, что именно в уста означенного персонажа и вложен тот сценарий, который видится наиболее благоприятным для Запада вообще и Германии, как его неотъемлемой составляющей, в частности. Во всяком случае, именно так кажется г-ну Рару. И это — пожалуй, главное, что можно вычитать из его новой книги.

В заключение разговора о книге известного политолога позволю себе добавить еще каплю немецкой ностальгии. Вот как, по мнению г-на Рара, должна закончиться «Октябрьская революция 2017 года», буде она случится. У московского Белого дома вновь, как и в 1991-м, соберутся толпы людей и остановят националистов и реваншистов. И вот в решающий момент перед Домом правительства остановится черный лимузин, из которого выйдет старый человек. Далее: «Внезапно сотни тысяч людей начинают кричать: “Гор-ба-чев!” Герою российской демократии, годами презираемому на собственной родине, здесь и не нужно ничего говорить. Люди и так понимают, почему он к ним пришел» (С. 344).

Боже мой, неужто я поторопился, оценив «Глебовича» как высокого профессионала?

Но уныние — один из самых тяжких грехов. А потому, сколь бы безрадостным ни было наше настоящее, оно не освобождает нас от поисков лучшего будущего — если не для нас, то хотя бы для наших детей и внуков. Обратимся к третьей из рассматриваемых в этом обзоре книг, содержание которой обращено в завтрашний день. Эта книга — вовсе не история советской/российской космонавтики и еще менее история космической «гонки» между СССР и США в период «холодной войны», хотя исторический материал привлекается авторами довольно часто и активно. Вместе с тем

это и не политико-футурологическое исследование в чистом виде. Видный российский экономист Михаил Геннадьевич Делягин и топ-менеджер космической отрасли Вячеслав Владимирович Шеянов написали книгу, для жанровой характеристики которой более всего подходит определение «эссе». Читателю предлагается свободное размышление, в котором анализ прошлого выступает как средство понимания настоящего, а последнее в свою очередь используется как инструмент для создания образа оптимального будущего.

Однако — все по порядку. Уже на уровне вводного раздела («Глобальный выбор человечества между прогрессом и варварством» — см. С. 10—34) авторы справедливо указывают, что с распадом СССР и окончанием «холодной войны» исчез важнейший стимул для развития технического прогресса. Причем проблема состоит не только в резком ослаблении темпов развития как фундаментальных, так и действительно масштабных прикладных исследований, но и в общей архаизации социальной и культурной жизни.

М. Г. Делягин, В. В. Шеянов.
Русский космос: победы
и поражения.
М., «Эксмо», 2011. 272 с.
(Люди в космосе).

На первый план всюду выступает идея извлечения сиюминутной коммерческой выгоды; отсюда — участвовавшие крупномасштабные техногенные катастрофы, в числе которых — относительно недавние аварии на буровой платформе BP «Deepwater Horizon» в Мексиканском заливе и на Саяно-Шушенской ГЭС, а также катастрофические последствия наводнения в Новом Орлеане.

Еще более опасным, однако, авторам представляется тот факт, что в эпоху замедления технического прогресса корпоративное управление слишком часто попадает в руки людей некомпетент-

ных, которые оказываются сплошь и рядом неспособными предвидеть опасные последствия собственных решений. Причем эта опасная тенденция носит глобальный характер и наблюдается едва ли не везде — от Америки до России. «Разрушение системы образования не позволит готовить должное количество высокопрофессиональных специалистов не только для развития, но и просто для поддержания технологической инфраструктуры в работоспособном виде» (С. 25).

С этим замечанием М. Г. Делягина и В. В. Шеянова сложно не согласиться. Один из примеров, подтверждающих справедливость их слов, — ситуация в российском, а шире — европейском, образовании и в первую очередь — высшем. Как в «дикий» России, так и в «цивилизованном» Евросоюзе, оно всерьез рассматривается как ресурс, на котором можно сэкономить. Об этом говорит вся история так называемого болонского процесса, грубо и жестоко, вопреки массовым протестам как студентов, так и профессорско-преподавательского состава, внедренного в систему высшего образования

сначала ЕС, а затем и РФ. О том, какие специалисты займут лидирующие позиции в европейской и российской экономике через 10—20 лет (в том числе в областях, чреватых техногенными катастрофами), остается только догадываться.

Позволю себе, однако, заметить, что Россия в этом контексте все же занимает особое место. В условиях глобального разделения труда наша страна, для которой уготована роль «всемирной кочегарки», априори не имеет шансов на мировом «рынке образовательных услуг»: роль «мирового университета» заранее зарезервирована за другими странами. И боюсь, что если все пойдет так, как идет, то даже странам Старой Европы достанутся лишь крошки с барского стола. Что же касается остатков советской системы образования, чудом выживших в России образца «лихих девяностых», то в начале XXI века они в первую очередь идут под нож «экономической целесообразности». Во всяком случае, иным образом объяснить деятельность отраслевых министерств в последние полтора десятилетия невозможно.

Оборотная сторона сокращения спроса на профессионалов (и в этом следует вновь согласиться с авторами книги) — снижение потребности в среднем классе, которому уготована роль жертвы на алтаре процветания глобального капитализма (см. С. 22 и далее). Тем не менее победа последнего неизбежно окажется пирровой, ибо «с точки зрения экономики, а не политики, средний класс, пусть даже мало- или вовсе непроизводительный, генерирует ключевую часть спроса развитых обществ, необходимую для нормального развития их экономик. Его обеднение резко сократит спрос развитых стран и, соответственно, сделает ненужными многие производства, столкнув не только развитые страны, но и весь мир в депрессионный штопор наподобие случившегося на рубеже 20-х и 30-х годов прошлого века» (С. 23).

Эти и другие наблюдения авторов в конечном итоге подтверждают известную тенденцию: глобальный капитализм, порученный самому себе, неизбежно уничтожит как самого себя, так и весь мир, который в эпоху глобализации превратился в заложника алчности «нового

управляющего класса» (так называемых новых кочевников). Именно поэтому общества должны найти в себе силы и поставить глобальное развитие в приемлемые рамки. Переломить тенденции мирового развития будет крайне сложно — позволю себе предположить, что даже более сложно, чем это видится М. Г. Делягину и В. В. Шеянову, приводящим примеры уже сегодня принимаемых «стратегических решений», представляющихся им «антирыночными» (см. С. 31—32). В любом случае очевидно: единого и универсального ответа на поставленный вопрос не существует. Для каждого региона, для каждой сферы жизни человечества следует искать свои собственные решения.

Что касается России, ответ на вызов времени видится авторам в возрождении и дальнейшем развитии космической отрасли. И прежде всего потому, что все основные победы СССР в космосе были достигнуты вопреки примитивно понимаемой «экономической целесообразности»: «...наш путь в космос начинался поразительно наивно и даже трогательно в своей наивности» (С. 34). И действительно, становление ракетно-космической отрасли в России/СССР было изначально возможно лишь в рамках антирыночной парадигмы; причем чистая романтика сыграла не меньшую роль, чем трезвый государственный расчет. Утверждая это, авторы едва ли не первыми выстраивают прямую связь между «русским космизмом» Н. Ф. Федорова и его последователей — с одной стороны, и постановкой задачи освоения космического пространства — с другой. Между тем именно идея Н. Ф. Федорова о неизбежности выхода человека в космос стала отправной точкой для развития идей К. Э. Циолковского (см. С. 44).

Последнего авторы именуют «чистейшим материалистом» и прагматиком. Возможно, на то существуют определенные основания. И все же позволю себе заметить, что для боровских и калужских обывателей 1910—1920-х годов их сосед — увлеченный космосом скромный учитель гимназии, обремененный многодетной семьей и существовавший едва ли не впроголодь (именно таким запомнила его моя бабушка, учившаяся во Второй калужской женской гимназии, где он пре-

подавал), меньше всего был человеком прагматических устремлений. Четко уверенный в том, что «даром только птички поют», этот провинциальный обыватель, строго говоря, и олицетворял ту самую коммерческую парадигму, отрицанием которой являлся весь образ жизни выдающегося ученого, чье величие было признано только Советской властью, да и то лишь в самые последние годы его жизни.

Не буду пересказывать дальнейшей истории развития космонавтики — авторы делают это блестяще (см. С. 44 и далее). Позволю себе обратить внимание лишь на одно наблюдение М. Г. Делягина и В. В. Шеянова. Оказывается, что в 1910—1920-х годах опыты по развитию ракетной техники осуществлялись отнюдь не только в России. Начиная с 1903 года в том же направлении работали, в частности, американский изобретатель Р. Годдард и достиг весьма ощутимых успехов (см. С. 50—51). Однако в подлинно прагматичной Америке его идеи, не сулившие непосредственной коммерческой выгоды, в свое время не получили развития, и становление космической отрасли в США пришлось уже на послевоенный период и было связано с деятельностью В. фон Брауна и его команды. Но дело, перспективы которого просмотрели прагматичные американцы, сделали смыслом своей жизни русские мечтатели — Ф. А. Цандер, С. П. Королев, В. П. Глушко и др. Их ГИРД (группа исследования реактивного движения) — краткое название которого они сами иронично расшифровывали как «группа инженеров, работающих даром», — заложила основы развития ракетной техники в СССР.

Сегодня нередко приходится слышать, что «новой России» не по плечу нести бремя расходов, связанных с одновременным развитием научных исследований по всем направлениям, что следует сконцентрировать силы и ресурсы на отдельных, «наиболее перспективных» проектах; за ситуацией же в остальных сегментах научного знания целесообразно лишь наблюдать — и не более. Подобный ход мыслей понятен, но обоснованным он кажется лишь сугубо внешне: нельзя забывать о том, что наука едина и изучать одно, не разбираясь в другом, в ней получается лишь до определенного предела. Более

того, развивать самостоятельные исследования следует уже для того, чтобы понять идеи зарубежных коллег, идущих впереди. Не будь в СССР скромной ГИРД и созданного на ее основе РНИИ, кто бы тогда разобрался с ограниченным кругом данных по проектам В. фон Брауна? Тем более что все сливки проекта «Фау» — от полного комплекта чертежей до основных исполнителей — достались американцам (см. С. 63—70 и далее).

При всех проблемах и поражениях, история русского космоса — это история русского гения. *Ipso facto* она опровергает обывательские представления как о «русской лени», так и о русской же «неспособности к инновациям». Оказывается, все относительно: и «лень», и «неспособность», и победы, и поражения. Авторы в полной мере воздают должное славному прошлому отечественной космонавтики (см. С. 70—140 и др.); однако почить на лаврах — не их задача. Как не их задача — проливать слезы над той катастрофой, которую отрасль пережила в 1990-е годы, сколь бы ужасными ни были ее последствия (см. С. 141—188). Разговор и о победах, и о поражениях оказывается для М. Г. Делягина и В. В. Шеянова не более, чем отправным пунктом для построения оптимальной модели будущего, учитывающей опыт как триумфов, так и провалов.

Поэтому и я позволю себе в завершающей части рецензии обратиться именно к этому кругу вопросов: ведь в конечном итоге все сказанное в книге обретает смысл именно в контексте разговора о будущем. И здесь я должен твердо высказаться в поддержку одного из важнейших тезисов авторов рецензируемой книги, утверждающих, что страна не имеет перспектив в амплуа «энергетической сверхдержавы» — сколь бы красивые выражения ни подыскивались для обозначения статуса сырьевого придатка не только развитых, но уже и развивающихся стран. Они объясняют это предельно просто, выдвигая ряд вытекающих друг из друга положений.

Во-первых, сырьевые отрасли менее чутки к техническому прогрессу: «главное в космической отрасли — ее высокотехнологичность. Одна и та же сумма денег, заработанная относительно простой

в техническом отношении (например, сырьевой) и высокотехнологичной отрасли, оказывает на экономику принципиально различное воздействие» (С. 213).

Во-вторых, сырьевые отрасли дают много менее выраженный мультипликационный эффект, да еще и способствуют развитию коррупции: «высокотехнологичная отрасль просто в силу своей природы обладает существенно большим количеством смежников; соответственно, заработанные ею деньги значительно менее концентрированы и не только расходятся по гораздо большему числу субъектов экономики, но и в силу этого в большей степени остаются в ней и не выводятся за ее пределы. Сырьевая же отрасль, оплачивая работу сравнительно небольшого количества смежников, концентрирует значительные финансовые потоки, что создает предпосылки для консолидированного вывода их из страны» (Там же).

В-третьих, «сам факт количественно меньшего количества и (что не менее важно) разнообразия участников хозяйственной деятельности создает в сырьевой отрасли объективные предпосылки для разного рода сговоров — от монополистических до коррупционных. В высокотехнологичных же отраслях такие сговоры затруднены объективно, просто в силу качественно большей диверсификации хозяйственной деятельности» (Там же).

И наконец в-четвертых, — что называется, «последнее, но не последнее по значению»: «существенным фактором, различающим две группы отраслей, является и тип культуры, генерируемый ими и неминуемо транслируемый на все общество» (Там же).

Прошу прощения за обширность цитаты, но, кажется, более точно, чем авторы, сказать попросту невозможно. Добавить к сказанному можно немного — пожалуй, лишь то, что «энергетическая сверхдержава» (или как ее там) обречена на утрату технологических преимуществ и в производстве оружия и военной техники;

следовательно, рано или поздно ее ВПК устареет и возрастает зависимость от закупок оружия за рубежом. А там уже недалеко и до постановки «международным сообществом» вопроса о необходимости преодоления «национального эгоизма», «интернационализации» доступа к источникам сырья и т. п. Боюсь, что Россия уже вплотную подошла к этому рубежу.

Ясно, однако, что российская элита упорно предпочитает журавля в небе энергетической синице в руках. Она не желает рисковать своим обеспеченным настоящим ради весьма призрачного высокотехнологического будущего. Тем более что доходов от экспорта углеводородов все еще вполне достаточно, чтобы гасить социальное недовольство, а «после нас — хоть потоп». Это отлично понимают и авторы рецензируемой книги. Поэтому они идут существенно дальше планов одной лишь реабилитации космической отрасли в России, ставя проблему глубокой экономической и даже политической интеграции на постсоветском пространстве.

Очертания нового Союза намечены весьма бегло: авторы осторожно говорят о новой «Киевской Руси» (см. С. 226 и далее), истоки которой они видят в возрождении интеграционных связей, способных воссоединить некогда единый ракетно-космический комплекс СССР, а вслед за тем — и стать стимулом для начала новой, на этот раз — политической, интеграции. Насколько можно понять, членами такого интеграционного образования могли бы стать Россия, Украина и Белоруссия, а также (учитывая его роль в космической отрасли) Казахстан.

Осознавая колоссальность препятствий, которые неизбежно возникнут на пути новых интеграционных процессов, хочется, тем не менее, разделить уверенность авторов в том, что политическая воля и исторический оптимизм — сила колоссальных масштабов. «Хватит быть побежденными!» — энергично восклицают авторы. Что ж, а может быть, и действительно — хватит?! ◆